БАБА-ЯГА
Издательство М. В. Зайцева.

БАБА-ЯГА

СКАЗКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО М. В. ЗАЙЦЕВА
ХАРБИНЪ

БАБА-ЯГА

Жили-были дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха ее не полюбила, била и думала, какъ бы совсѣмъ извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачеха и говоритъ дѣвочкѣ: „Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголку и ниточку —тебѣ рубашку сшить". А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. „Здравствуй, тетушка!" — Здравствуй, родимая! зачѣмъ пришла? „Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить". Та ее и научаетъ: „Тамъ тебя,

племяннушка, будетъ березка въ глаза стегать, ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать, ты полей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать, ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть, ты ему ветчинки дай". Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ и пришла.

Стоитъ хата, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога и ткетъ. „Здравствуй, тетушка!" — Здравствуй, родимая! „Меня матушка послала просить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить". — Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ дѣвочка сѣла за красны; баба-яга вышла и приказываетъ своей работницѣ: „Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать". Дѣвочка си-

дитъ ни жива ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: „Родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи“ — и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: „Ткешь ли, племяннушка? ткешь ли, милая?“ — Тку, тетушка! тку, милая! Баба-яга отошла прочь, а дѣвочка дала коту ветчинки и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова? „Вонъ на столѣ лежитъ полотенце да гребешокъ“, говоритъ котъ, возьми ихъ и бѣги-бѣги поскорѣе; будетъ за тобой гнаться баба-яга, ты приклони ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце—сдѣлается широкая рѣка; если баба-яга переплыветъ эту рѣку и снова ста-

нетъ догонять тебя, ты приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ, станетъ дремучій, дремучій лѣсъ, сквозь него она уже не проберется!“

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала; собаки хотѣли ее рвать, она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться, она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать, она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за красны и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: „Ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?“ — Тку, тетка, тку, милая! отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хат-

ку, видитъ, что дѣвочка ушла, и давай кота бить, да ругать: „Ахъ ты, старый плутъ, зачѣмъ пропустилъ бѣглянку? ты бы у ней глаза выдралъ, лицо поцарапалъ!“ — Я тебѣ сколько служу, — говоритъ котъ, — а ты мнѣ косточки не бросила, а она мнѣ ветчинки дала. Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу; давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: „Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала“. Ворота говорятъ: „Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица не пожалѣла“. Березка говоритъ: „Я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не пожаловала, а она меня ленточкой перевязала“. Работница говоритъ:

„Я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не дала, а она мнѣ платочекъ подарила“.

Баба-яга, костяная нога, поскорѣе сѣла въ ступу, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится ужъ близко; взяла да и бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ; и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, собрала своихъ быковъ и погнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку дочиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко; бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій, да частый! Баба-

яга стала его грызть, но сколько ни старалась, не могла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: „Гдѣ же моя дочка?"— Она пошла къ тетушкѣ,— говоритъ мачеха. Немного погодя, и дѣвочка прибѣжала. „Гдѣ ты была?" спрашиваетъ отецъ. — Ахъ, батюшка! — говоритъ она, — такъ и такъ... меня матушка послала къ теткѣ просить иголочку съ ниточкой — мнѣ рубашку сшить, а тетка, баба-яга, меня съѣсть хотѣла. „Какъ же ты ушла, дочка?" Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и прогналъ ее изъ дому, а самъ съ дочкою сталъ жить, поживать, да добра наживать. Я у нихъ былъ, медъ-пиво пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Отпечатано, по старой
орфографіи, по заказу
ТОВАРИЩЕСТВА ОБЪЕ-
ДИНЕННЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ
въ Парижѣ.